

В третьем номере журнала «На русских просторах» за 2017 год Т.М. Лестева затронула тему русской эмиграции и судьбу великого поэта русского зарубежья – Н.А. Тuroверова. В настоящей статье мы предлагаем читателям узнать некоторые факты биографии поэта и его семьи от первоисточника – племянника Н.Н. Тuroверова. Интервью состоялось 21 августа 2017 года. Автор постарался сохранить стиль живой речи А.Н. Тuroверова.

Революция 1917 года стала огромной трагедией для России и для русской культуры. Десятки тысяч людей были вынуждены покинуть Родину, спасаясь от красного террора и войны. Русская эмиграция была самой многочисленной в истории Европы и, безусловно, обогатила европейскую культуру. Русские эмигранты представляли собой самую образованную и культурную часть населения Российской Империи. Среди эмигрантов оказались известные писатели, философы, учёные, офицеры, политические деятели и люди духовного звания. Всех их объединяло одно – любовь и тоска по России. Законы многих европейских стран не признавали образование, полученное в других странах, из-за чего эмигрантам приходилось трудиться грузчиками, водителями или рабочими. Тем удивительнее, что, несмотря на все тяготы, они не только не забыли родную культуру, но и смогли обогатить её. В эмиграции появилась целая плеяда русских писателей, поэтов и художников, которых без преувеличения можно назвать велики-

ми. Один из них Николай Николаевич Туроверов – донской казак, участник гражданской войны и поэт, чьи стихи смогли найти дорогу к сердцам соотечественников через время и расстояние.

Николай Александрович Туроверов – племянник поэта поведал нам историю своей семьи, рассказал о жизни русской эмиграции и поделился воспоминаниями о своём дяде, а также представил для публикации уникальные, неопубликованные ранее, рукописи стихов и фотографии из семейного архива.

Николай Александрович родился в 1948 году во Франции в семье Александра Николаевича Туроверова и Ирины Ивановны Туроверовой (урожд. Поповой). Он хорошо говорит по-русски, но, как сам признаётся, ему трудно писать на нём. Живёт Николай Александрович во французской коммуне Рерье в 20 километрах от Лиона.

– Здравствуйте, Николай Александрович!

– Добрый вечер!

– В этом интервью мне бы хотелось обсудить с Вами не только творчество Вашего дяди, но и историю Вашей семьи. Как известно, Николай Николаевич Туроверов оказался в эмиграции, эвакуировавшись вместе с Белой армией из Крыма. А как Ваш отец оказался в эмиграции?

– Мой отец родился в 1903 году в Каменске и, когда случилась революция и началась гражданская война, ему было всего 14 лет. В тот момент он учился в кадетском корпусе. Как и многие кадеты, он тоже присоединился к Белой армии, но воевал недолго. В армии он, в основном, занимался ремонтом и прокладкой телефонных линий. Он был в то время очень быстрый и маленький, и это ему помогало. Путь из России был тяжёл – ему пришлось выбирать и пешком, и на поезде. В 1920 году он приехал в Прагу, в Чехословакию. Там мой отец получил деньги от представителей Белой армии и поступил в инженерную школу. В 1924 году отец переехал

Братья Туроверовы

во Францию, в конце года, узнав, что его младший брат во Франции, туда приехал и мой дядя. Поскольку чехословацкий диплом не действовал во Франции, отец не смог работать там инженером. Он устроился работать на завод на востоке Франции, где занимался проектированием заводов и различных машин. В Париж отец приехал где-то в 1935-1936 годах. После Второй мировой войны в 46-м или в 47-м году, точно не помню, отец женился на моей маме. Довольно поздно женился, ему было всё-таки уже 44 года.

Своему младшему брату и их воинскому пути Н.Н. Туровецков посвятил стихотворение:

МОЕМУ БРАТУ

*В семнадцать лет я начал воевать,
А ты в четырнадцать. И, слава Богу,
Нам никого не надо упрекать
За нашу слишком раннюю дорогу.
Какая жизнь нам будет нелегка?
Господь глядит на нас весёлым взглядом:
В небесной сотне Атаманского полка,
Конечно, мы с тобою будем рядом.*

– *Какие у Вас воспоминания о Вашем детстве во Франции? Сохранялись ли в семье казачьи традиции?*

– Конечно, традиции и язык сохранялись. Я даже вспоминаю это как анекдот, т.к. за пределами дома мне необходимо было говорить по-французски, но, как только я переступал порог, все разговоры в доме были на русском. Необходимо было учить два языка. И, конечно, дома справляли все русские праздники – Рождество и Пасху. Дома были русские книги, сказки. Также в то время было много православных церквей в Париже, я знаю как минимум 13 русских церквей в Париже и вокруг Парижа.

– *А таким специальным казачьим навыкам, как езде верхом, рубке шашкой Вас учили, или это уже осталось в прошлом?*

– Да, безусловно, учили. Я езжу верхом. Русских сабель и шашек во Франции не было ни у отца, ни у дяди, поэтому учить этому они не могли. Но мне рассказывали историю, кто такие казаки, почему они охраняли границу. Я, правда, в то время не так сильно этим интересовался. Также мы ходили в русскую школу. По четвергам мы не ходили во французскую школу, а ходили учиться писать и читать по-русски, а также учили русскую историю.

Николай Александрович Туроверов верхом

– Не возникало ли сложностей во взаимоотношениях детей русских эмигрантов с коренными французами?

– Нет, нет, ничего такого не было. Когда французы слышали, что мы семьёй говорим по-русски, они хохотали, конечно, но никаких противных эпизодов не случалось. Надо сказать, что в то время во Франции было много работы, у всех была работа. Знаете, самое главное, что осталось во мне из того, что говорили родители – это три вещи: 1) нужно знать французскую культуру и жить французской культурой; 2) не надо забывать русскую культуру и русские традиции; 3) чтобы во Франции хорошо жить – нужно хорошо учиться. Это правда, это многие русские так говорили и, надо сказать, что большинство детей русских эмигрантов учились очень хорошо.

– А вот Вашим детям удалось сохранить русскую культуру или они уже больше французы?

– Нет, они больше французы уже. Я женат на француженке, и я понял, что, если вы хотите, чтобы ваши дети говорили по-русски, нужно чтобы их мама говорила по-русски. А то я дома бывал довольно редко, ездил в командировки по миру и, конечно, дети учили только французский язык. Но они изучали русский в школе, моя старший сын 8 лет учил русский, был в России, и он даже лучше пишет и читает, чем я, но говорит на нём плохо. А младший лишь один год учил русский. Они знают немного об истории гражданской войны, приходе коммунистов, о том, почему коммунистическая власть разрушилась. Немножко жаль, что

они не говорят на русском языке, но так получилось.

– Как Вам кажется, современная Россия смогла уйти от своего коммунистического прошлого, случилось ли то, о чем мечтали белоэмигранты или всё же нет?

– Знаете, какая была главная мечта у эмигрантов? Это вернуться обратно в Рос-

сию, но не в СССР. И дядя даже говорил мне: «Когда снова будет бело-сине-красный флаг, тогда я смогу поехать в Россию, раньше не могу». И, конечно, он скончался в 72-м году, когда коммунизм ещё был у власти. Отец мой уже никогда не хотел возвращаться. По поводу дяди интересный факт – он так и не принял французское гражданство, он так и остался апатрид. У него был специальный нансеновский паспорт. И дядя, и его единственная дочь Наталья так и остались иммигрантами. А мой отец и наша семья приняли французское гражданство. После разрушения коммунистического строя я уже много раз посещал Россию, наверное, 10–12 раз – был на Дону, был в Москве. Но для нас здесь всё же немного странно находиться, т.к. ту Россию, о которой нам рассказывали родители, довольно трудно найти.

– Всё-таки ушла та старая Россия?

– Да, такое ощущение есть. Конечно, есть тенденции возрождения качества на Дону. Но то, что я представлял и думал о России после рассказов родителей, я этого ничего не нашёл. Но сами поездки в Россию были замечательными. Я смог увидеть

Семья Николая Александровича Туроверова на свадьбе младшего сына

Н.Н. Туроверов с женой Юлией и дочерью Натальей

место, где отец учился в кадетском корпусе, дом, где мой отец родился.

– Николай Александрович, насколько Вы были близки с Вашим дядей – Николаем Николаевичем Туроверовым? Как часто Вы проводили время с ним в Вашем детстве и юношестве?

– Очень были близки, мы виделись каждые пятнадцать дней, минимум. Часто бывало, что праздновали Рождество у папы, пасху у дяди. Много виделись, много жили вместе. Ещё дядя активно участвовал в деятельности различных русских союзов и, когда он там выступал на собраниях, мы все вместе ездили слушать его речи.

– А Вы тогда уже его стихами интересовались, или это пришло позже?

– Нет, гораздо позднее. Мне было 24 года, когда дядя скончался. До этого момента мы с ним часто виделись. В 18 лет я получил водительское удостоверение, и каждый год возил дядю на каникулы на своей машине на остров Ни-дю. Привозил его туда, потом забирал его. У него было довольно плохо с ногами тогда. Так что, когда ему надо было куда-либо ехать, то это я его возил. Я также был очень близок с двоюродной сестрой Наташей. Она часто приезжала домой на каникулы и приходила к нам в гости.

– Вам не кажется, что в отношении к творчеству Вашего дяди существует некоторая несправедливость, т.е., вспоминая поэтов Серебряного века Блока, Есенина и других, Николая Николаевича Туроверова часто забывают и не ставят с ними в один ряд? Может быть, интеллигенция не приемлала его военного прошлого?

– Мне кажется, внутри эмиграции было два лагеря, один из которых несколько пренебрежительно относился к казакам. Между русскими существовала грань. Но, несмотря на это, я знаю, что дядя дружил с Буниным, Ахматовой, осталась большая переписка. Я не могу сказать, что он не хотел, чтобы люди его знали, но он не писал для этого. Он писал, прежде всего, для себя, чтобы помнить Россию. Если он нас сейчас слы-

Н.Н. Туроверов на прогулке

шит на небесах, я думаю, он был бы рад, что люди его знают и читают его стихи. Ведь он сейчас стал очень известным, особенно на Дону. Он хотел рассказать о том, какая Россия и что он о ней помнит – это самое главное.

В некоторых стихах Н.Н. Туроверова нашла отражение нелёгкая жизнь поэта в эмиграции, где ему пришлось трудиться и грузчиком, и рабочим.

*Не сверкай, мой друг, очами,
Не стучи кольцом о стол:
Если пью, то пью ночами,
Днём работаю, как вол.
И мои четыре книжки
Не швыряй на пол, кляня,
И не требуй передышки
В этой жизни у меня.
Жизнь – есть жизнь! И ты заране
Не печалься обо мне, –
Правда в налитом стакане,
Но не в выпитом вине.*

– С кем из известных деятелей русской эмиграции Н.Н. Туроверов поддерживал связь?

– Дядя много переписывался с Евсеевым, Буниным, Ахматовой опять же, было несколько писем Краснову. У меня остались его рукописи, т.к. я по наследству получил архив Н.Н. Туроверова от его дочери Натальи.

Братья А.Н. и Н.Н. Туроверовы во Франции

– *К Вам уже кто-нибудь из России обращался с просьбой издать полное собрание сочинений Н.Н. Туроверова, включая его письма, дневники и записки?*

– И да, и нет. Русский фонд культуры хотел, чтобы я им всё это подарил. Это был 2003 год. Был ещё режиссёр Никита Михалков, который снимал фильм «Русские без России». Они приезжали ко мне домой, чтобы тут снимать, делали фотокопии разных документов. Бывают ещё люди, как Вы, которые интересуются судьбой моего дяди, просят прислать его стихи или фотографии. Я, бывает, им направляю некоторые фотографии. Но многие рукописи так и остались неизданными. Я сейчас работаю над книгой с одной русской дамой, куда будут включены ранее неизданные произведения Н.Н. Туроверова. Но книга ещё не закончена.

– *А рабочее название у книги уже есть?*

– Нет, названия ещё нет. Вы знаете, тут один сложный вопрос затрагивается. Дядя всегда говорил, что он хочет вернуться в Россию, даже если после смерти. С 2014 года начали собирать документы для его эксгумации, чтобы его похоронить в Старочеркасске. Один фонд обещал помочь и заботиться о захоронении, но после этого в семье начался спор, дети моего брата начали вызывать в суд и меня, и своего отца, чтобы запретить перезахоронение. На данный момент все положительные документы получены. Я хотел подготовить книгу именно к тому моменту, когда дядю повезут в Старочеркасск.

– *А в Вашем архиве существуют ещё неопубликованные стихотворения Николая Николаевича?*

– Есть, конечно. Есть ещё много вырезок со стихами из русских эмигрантских газет, которые, я думаю, в России также большая редкость. Я пришлю Вам несколько стихотворений для публикации в русских изданиях.

– *А как живут потомки русских эмигрантов? Общаетесь ли Вы между собой, поддерживаете ли связь?*

– Нет. Есть такой «Казачий союз», там есть старый барин по фамилии Кузнецов, они живут прошлым, думают, что живут в 1905–1906 году. Они до сих пор считают, что в России ничего не изменилось. Есть музей, но он довольно закрытый. Им многое досталось от дяди – тысячи книг и различные военные артефакты (военная форма, седло, скульптуры), но ничего этого они показывать не хотят. Этот музей даже посещал В.В. Путин, дал им немного денег. Хотя они всё это время были против Путина, деньги всё-таки взяли. Их дети музеем не занимаются и не интересуются.

Весна.

в Женеве на вой

1.
Ещё весь лес такой сквозной,
Что виден издали подснежник;
Над прошлогоднею листвою
Он всех цветов белеет прежде.
Ему и дела нет, что здесь
Зимою не бывает снега,
Весенний первенец, он весь
Свидетель зимнего побега.
Иду в блаженном полусне,
Вокруг всё так легко и просто,
И не препятствует весне
Соседство русского погоста.

2.

Нет воздушней этого тумана,
Призрачней нет голубизны,
Только надо выйти спозаранок
К перелескам Женевьевской стороны.
Город близок, но весна поближе,
Мимолётная французская весна;
Даже к верноподданным Парижа
Благосклонна и внимательна она.
Жизнь ещё не прожита, отпета.
Встреча будет, только погоди.
Впереди счастливейшее лето,
Много света будет впереди.

Николай Степанович Яковлев.

24 MAR 1953

Рукопись стихотворения «Весна»¹

кажется, я похожую историю читал у Антона Туркула.

— Это очень сложный вопрос. К сожалению, я не могу сказать, что в его стихах он видел сам, а что описал с чьих-то слов. То, что он воевал и был ранен — это правда. Но видел ли он, как конь прыгнул в воду за кораблём, я не знаю. Я его никогда об этом не спрашивал, папа, может быть, знал, но мне он не говорил ничего. Реальность в том, что он был в Крыму в ноябре 1920 года, вынужден был покинуть свою страну, оставить армию — всё это стало для него серьёзным испытанием.

¹ Весна

Сент-Женевьев-д-Буа

1

2

Ещё весь лес такой сквозной,
Что виден издали подснежник,
Над прошлогоднею листвою
Он всех цветов белеет прежде.
Ему и дела нет, что здесь
Зимою не бывает снега, -
Весенний первенец, он весь
Свидетель зимнего побега.
Иду в блаженном полусне,
Вокруг всё так легко и просто,
И не препятствует весне
Соседство русского погоста.

Нет воздушней этого тумана,
Призрачней нет голубизны,
Только надо выйти спозаранок
К перелескам Женевьевской стороны.
Город близок. Но весна поближе,
Мимолётная французская весна,
Даже к верноподданным Парижа
Благосклонна и внимательна она.
Жизнь ещё не прожита, отпета.
Встреча будет, только погоди.
Впереди счастливейшее лето,
Много света будет впереди.

*Равных нет мне в жестоком счастье:
Я – единственный, званый на пир,
Уцелевший ещё участник
Походов, встревоживших мир.
На самой широкой дороге,
Где с морем сливается Дон,
На самом кровавом пороге,
Открытом со всех сторон,
На ещё не разрытом кургане,
На древней, как мир, целине,
Я припомнил все войны и брани,
Отшумевшие в этой стране.
Точно жемчуг в чёрной оправе,
Будто шелест бурьянов сухих, –
Эта память о воинской славе,
О соратниках мёртвых моих, –
Будто ветер в ладонях взвесив,
Разбросал по степи семена:
Имена Ты их, Господи, веси,
– Я не знаю их имена. 1945 г.*

– А Вы сами пишете стихи?

– Нет, что Вы. Я хоть и говорю по-русски, но пишу плохо. К тому же мне ближе точные науки. По образованию я инженер, я больше математикой занимался, чем литературой.

– Спасибо большое, Николай Александрович!

– До свидания и привет русским читателям!

Николай Александрович Туроверов прислал мне, как и обещал, целую подборку редких и неопубликованных стихотворений своего дяди. Но открытием для меня стало то, что и отец Николая Александровича также был поэтом. Зачастую Александр Туроверов публиковался вместе со своим старшим братом в эмигрантских газетах. Ниже приведены несколько стихотворений, принадлежащих перу Александра Николаевича Туроверова:

*Без ласки, без любви, почти без сожаленья
Проходят дни. Священное горенье
Коснётся вдруг. Но медленный покой
Ты не поделишь с музой дорогой,
Печаль свою ты не подаришь ей, -*

*Печаль уйдёт, как снеговой ручей,
И снова жизнь торжественна, легка,
Воздушна и проста, как облака.*

** * **

«Только бы, последний монолог»...

Мария Волкова

*Не говори последний монолог!
Смотри, как медленно за лесом
Своей рукою добрый Бог
Раздвинул чёрную завесу;
Смотри туда, где первый свет,
Пронзая мрак огнём весёлым,
Не зная наших тёмных лет,
Пошёл гулять по мирным сёлам.
И вот меня он разбудил,
Обняв, согрев и дав надежды,
Он мне сказал, что не забыл
Твои заплаканные вежды,
И приказал сказать тебе,
Тебе, – не суетному миру, –
Что он назвал твоей судьбе
Послал божественную лиру.*

Александр Туроверов.